

Глава 12. Семь монстров Цзяннани

Едва Ваньянь Кан миновал небольшое расстояние, как впереди поднялись клубы пыли. Из-за песчаных дюн показался небольшой отряд: шесть мужчин и одна женщина. По их виду и повадкам сразу можно было признать в них людей из боевого мира. Юноша едва заметно улыбнулся — неужели судьба действительно подстроила столь случайную встречу? Впрочем, решив, что это его не касается, он продолжил свой путь к лагерю.

Однако он совсем позабыл о ехавшей рядом Хуачжэн. Девочка, хоть и выросла в степи, редко покидала пределы кочевий, а эти семеро выглядели куда более странно и диковинно, чем обычные кочевники. Любопытство мгновенно взяло над ней верх.

— Брат Кан, посмотри! Какие они странные, — она указала пальцем на приближающихся всадников. — И гляди, тот почтенный старец совсем ничего не видит, но как уверенно держится в седле. Какое мастерство!

Немного помолчав, она добавила с искренним восторгом:

— Но ты, Кан-эр, всё равно куда искуснее их всех!

Ваньянь Кан почувствовал, как к горлу подступает легкое раздражение, смешанное с обреченностью. После столь звонкого восклицания Хуачжэн утаить их присутствие было уже невозможно. Тем не менее в глубине души он ощутил азарт. В этой компании наверняка находился тот самый умелец, что не раз обкрадывал его отца.

— С чего ты взяла, что я лучше? — усмехнулся он. — Тот старец и впрямь велик.

И это была чистая правда — перед ними предстал Кэ Чжэньэ, глава Семи монстров Цзяннани.

Хуачжэн ответила с той непосредственностью, что свойственна лишь детям:

— Потому что ты — настоящий небожитель!

Голоса детей привлекли внимание отряда. Семь монстров Цзяннани придержали коней, пристально разглядывая юношу и девушку. Один из них, облаченный в халат книжника и держащий в руках железный веер, направил его в сторону юноши:

— Твоё имя — Ваньянь? Ты из императорской семьи Государства Цзинь?

Ваньянь Кан сразу узнал в нём Чжу Цуна, прозванного Книжником с чудесными руками. Юноша внутренне подобрался, не теряя, однако, внешнего спокойствия:

— Именно так. Я — наследник князя Чжао.

Чжу Цун обернулся к своим спутникам, и на его лице заиграла лукавая усмешка:

— Надо же, нам попался представитель прямой ветви.

— Тогда самое время с ним покончить, — проворчал другой, чья внешность напоминала скорее простого коротышку, чем грозного бойца. Его имя в памяти Кана не сохранилось.

Ваньянь Кан лишь мельком взглянул на него, после чего мягко обратился к спутнице:

— Хуачжэн, поезжай к своему брату. А лучше — скорее возвращайся в лагерь.

Но девочка, словно не чувствуя исходящей от незнакомцев угрозы, продолжала улыбаться:

— Нет, я останусь здесь. С этими почтенными дядями наверняка весело играть!

Кан вздохнул. Она была до крайности наивна — в каноне она точно так же пыталась погладить леопарда. Но если из-за него Хуачжэн пострадает, это разрушит все его планы по умиротворению степей, хотя он и не слишком рассчитывал на долговечность этого мира.

— Что ж, будь по-твоему, — прошептал он.

В то же мгновение его фигура размылась в воздухе. Он исчез прямо на глазах у изумленных Семерых монстров, чтобы через секунду возникнуть у них за спинами. Подбросив на ладони увесистый кошель, юноша ловко перебросил его Хуачжэн:

— Держи, это тебе подарок. Пустяк, но всё же.

Чжу Цун побледнел и невольно схватился за пояс:

— Это же мой кошель! Когда ты успел?!

— Украсть кошелёк у самого Книжника с чудесными руками... Твоё мастерство действительно впечатляет, — прохрипел Кэ Чжэньэ, чьё лицо оставалось бесстрастным, но в голосе слышалось невольное уважение.

Ваньянь Кан ответил со скромным, но исполненным достоинства поклоном:

— Что вы, почтенный Чжу. Ваш кошель лежал на виду, так что это нельзя считать кражей.

Конечно, он лишь воспользовался техникой легкости. Если бы пришлось извлекать вещь, спрятанную глубоко в складках одежды, его способностей могло бы и не хватить.

— К тому же я оставил господину Чжу ответный дар.

Кан бросил на семерых многозначительный взгляд и вернулся к принцессе:

— Идём, здесь больше не на что смотреть.

— Ого! Кан-эр и впрямь самый лучший! — Хуачжэн послушно кивнула и поскакала следом. — Послушай, а какой подарок ты оставил тому дяде-книжнику?

— Лишь небольшую вещицу, которая покажется ему любопытной.

"Надеюсь, тебе понравится. Считаю это платой за те дерзкие набеги, что ты совершал на поместье моего отца", — подумал он.

Голоса детей затихли вдали, оставив Семерых монстров в тягостном молчании. Глядя на потерявшего сознание Чжу Цуна, герои невольно содрогнулись от мысли: если бы этот юноша вместо шутки решил применить яд, никто из них не покинул бы это место живым.

***

Едва Ваньянь Кан переступил порог отцовского шатра, он увидел Ваньянь Хунле, склонившегося над срочными донесениями. Юноша невольно улыбнулся. Его отец был рожден для власти. Он мог бы стать великим государем, который заботится о процветании страны, в отличие от того же Тэмуджина, чьи помыслы не шли дальше завоеваний. Было ли это следствием влияния самого Кана или же такова была истинная природа Хунле — сейчас это не имело значения.

— Отец, позволь мне тоже взглянуть, — произнес он, подходя ближе.

После того как два года назад Кан раскрыл сложнейший политический заговор, Ваньянь Хунле окончательно признал за сыном недюжинный талант. С тех пор он перестал скрывать от него государственные дела. Иногда он даже позволял сыну принимать решения самостоятельно, разумеется, под своим надзором. Кан порой действовал странно, но всегда мог обосновать свои цели, а время неизменно доказывало его правоту.

Ваньянь Хунле с теплотой посмотрел на сына и привлек его к себе:

— Ты провел весь день в седле, Кан-эр. Неужели не устал?

— Вовсе нет. Ты ведь тоже трудился весь день, отец. К тому же моя внутренняя сила позволяет мне восстанавливаться быстрее обычных людей.

С этими словами он взял со стола свиток и погрузился в чтение.

Хунле лишь сокрушенно покачал головой. Стоило сыну взяться за политику, как он забывал о сне и еде. Кан не раз доводил себя до изнеможения, игнорируя все запреты и предупреждения врачей. К счастью, здесь, в степях, срочных бумаг было немного, и вскоре со всеми делами было покончено.

Ваньянь Кан облегченно вздохнул, но его взгляд оставался задумчивым.

— Отец, что ты думаешь о Тэмуджине?

Ваньянь Хунле, уже надеявшийся, что сын наконец отдохнет, вздохнул, но ответил серьезно:

— Этот человек превыше всего ставит верность и долг. Я видел, как искренне он радовался, когда узнал о честовании Ван Хана, и как настойчиво просил о милости для своего названного брата. Он искушен в военном деле — его стремительное возвышение говорит само за себя. Пока мы знаем о нём немного, но одно ясно: пока он жив, он представляет скрытую угрозу для Цзинь.

Кан улыбнулся. Он знал, что отец проницателен.

— Именно поэтому мы должны становиться сильнее. Вместо того чтобы тратить силы на интриги против соперника, куда эффективнее совершенствовать собственное государство. В этом ключ к величию.

Хунле кивнул. Это была главная мысль из того политического трактата, что сын написал ещё три года назад. С тех пор они начали действовать в этом направлении, но путь предстоял долгий.

— Отец, если бы у тебя был выбор: увидеть истинную мощь войска Тэмуджина или же самим продемонстрировать ему нашу сокрушительную силу — что бы ты выбрал? Если бы представился такой случай.

Увидев азартный блеск в глазах сына, Ваньянь Хунле невольно рассмеялся:

— Разве у тебя, Кан-эр, уже нет готового ответа?

И ответ действительно был. Ответ, достойный Ваньянь Кана. Он мягко прильнул к плечу отца.

— На вечернем пиру я тоже буду присутствовать. Кстати, как ты ответил на просьбу Тэмуджина о его названном брате?

— Разве не для этого ты выхлопотал то лишнее место в списке для инвеституры? — Хунле погладил сына по волосам. — Разумеется, я согласился. Но вручать императорский указ ты будешь сам.

Ваньянь Кан довольно прищурился.

— Джамуха... Это человек, на которого стоит обратить самое пристальное внимание.

Такой союзник, если его умело использовать, мог стать несокрушимым щитом для северных границ империи Цзинь.

<http://bllate.org/book/17543/1702544>